



**ОРОСЫН  
ШИНЖЛЭХ УХААНЫ АКАДЕМИ  
Дорно дахины гар бичмэлийн  
хүрээлэн**



**МОНГОЛ УЛСЫН  
ШИНЖЛЭХ УХААНЫ АКАДЕМИ  
Түүх, археологийн хүрээлэн**

# **Б.Я.ВЛАДИМИРЦОВ - XX ЗУУНЫ НЭРТ МОНГОЛЧ ЭРДЭМТЭН**

**ОХУ-ын Санкт-Петербург хотноо  
2014 оны 10 дугаар сарын 6-8-нд  
зохион байгуулсан олон улсын  
эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл**

**Улаанбаатар хот  
Санкт-Петербург хот  
2015**



**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК**  
**Институт восточных рукописей**



**МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК**  
**Институт истории и археологии**

**Б.Я.ВЛАДИМИРЦОВ -**  
**ВЫДАЮЩИЙСЯ МОНГОЛОВЕД**  
**XX ВЕКА**

**Материалы российско-монгольской**  
**научной конференций**  
**6-8 октябрь. 2014 г.**

**Санкт-Петербург**  
**Улан-Батор**  
**2015**



**RUSSIAN ACADEMY  
OF SCIENCES**  
Institute of Oriental Manuscripts



**MONGOLIAN ACADEMY  
OF SCIENCES**  
Institute of History and Archaeology

**B.YA.VLADIMIRTSOV -  
THE OUTSTANDING RESEARCHER  
OF MONGOLIAN STUDIES  
IN THE 20<sup>TH</sup> CENTURY**

**PROCEEDINGS**

**International Conference  
October 6-8, 2014. St. Petersburg, Russia**

**Ulaanbaatar, Mongolia  
St. Petersburg, Russia  
2015**

DDC  
900.015  
В-573

*Оросын Шинжлэх Ухааны Академийн  
Дорно дахины гар бичмэлийн хүрээлэнгийн Эрдмийн зөвлөл,  
Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн  
Түүх, археологийн хүрээлэнгийн Эрдмийн зөвлөлийн баталснаар хэвлэв.*

**Ерөнхий редактор:** түүхийн ухааны доктор (Ph.D) *С. Чулуун*  
**Эмхтгэгч, ерөнхий редактор:** хэл шинжлэлийн ухааны доктор (Sc.D) *И.В.Кульганек*  
**Англи эхийн редактор:** хэл шинжлэлийн доктор (Ph.D) *Д.А.Носов*  
**Шүүмжлэгч:** түүхийн шинжлэх ухааны доктор (Sc.D) *Т.Д.Скрынникова*  
хэл шинжлэлийн ухааны доктор (Sc.D) *Л.Г.Скородумова*  
түүхийн доктор (Ph.D) *В.Ю.Жуков*

**Б.Я.Владимирцов – XX зууны үеийн нэрт монголч эрдэмтэн:** өгүүлийн эмхтгэл. 2014 оны 10 сарын 6-8-ны хооронд Санкт-Петербургт зохион байгуулсан Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл. *Санкт-Петербург; Улаанбаатар, 2015. 218 х.*

Тус эмхтгэлд Санкт-Петербург хотноо Оросын ШУА-ийн Дорно дахины гар бичмэлийн хүрээлэнд Монгол судлалыг дэмжих сангийн дэмжлэгтэйгээр Оросын нэрт монголч эрдэмтэн Б.Я.Владимирцовын 130 жилийн ойд зориулан зохион байгуулсан Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын үр дүн болсон өгүүллүүд багтсан болно. Б.Я.Владимирцовын бүтээлийн өвийг түүхч, хэл шинжээч, утга зохиол судлаач, соёл судлаач, улс төр судлаач нар төдийгүй Монгол судлалын салбаруудын бэлчир дээр судалгаа шинжилгээ явуулдаг хэн бүхэн өргөнөөр ашиглаж ирсэн юм. Энэхүү хурал нь Монгол улсын ШУА-ийн Түүх, археологийн хүрээлэн болон Оросын ШУА-ийн Дорно дахины гар бичмэлийн хүрээлэнгийн хамтын ажиллагааны хүрээнд зохион байгуулагдсан хоёрдугаар хурал болно. Эмхтгэлд Оросын болон Монголын судлаач нарын монголчуудын түүх, соёл, хэл утга зохиолын салбарт хамаарах олон асуудлыг хөндсөн өгүүллүүд багтжээ. Хэд хэдэн өгүүлэл нь Б.Я.Владимирцовын Монгол судлалын олон чиглэл салбарт оруулсан хувь нэмрийг үнэлэхэд чиглэсэн байна. Өгүүлийн ихэнх нь уран зохиолын дурсгалт бичиг, нэр томьёоны асуудал, аман зохиолын ангилал, түүхэн үйл явдлын үнэлэлт, Оросын болон Монголын гар бичмэлийн хөмрөг, архивуудаас олж илрүүлсэн шинэ нээлт зэргийг судлахад зориулагджээ. Иймд тус эмхтгэлийг Орос, Төв Азийн соёл, түүхийг сонирхогч хэн бүхэн болон дэлхийн монгол судлаачдын анхааралд хандуулан өргөн барьж байна.

© ОШУА ДДГБХ, 2015  
© МШУА ТАХ, 2015  
© Зохиогч нар, 2015

ISBN 978-99973-0-619-7

DDC  
900.015  
В-573

*Утверждено к печати Ученым Советом Института  
восточных рукописей Российской академии наук,  
Ученым Советом Института истории и археологии  
Монгольской академии наук.*

**Главный редактор:** кандидат исторических наук **Чулуун С.**  
**Составитель, научный редактор:** доктор филологических наук **И.В.Кульганек**  
**Редактор английского текста:** кандидат филологических наук **Д.А.Носов**  
**Рецензенты:** доктор исторических наук: **Т.Д.Скрынникова**  
доктор филологических наук **Л.Г.Скородумова**  
кандидат исторических наук **В.Ю.Жуков**

**Б.Я.Владимирцов – выдающийся монголовед XX века:** сборник статей.  
Материалы российско-монгольской науч. конф. 6–8 окт. 2014 г.  
Санкт-Петербург. – СПб.; Улан-Батор, 2015. – 218 с.: ил.

В сборнике представлены статьи, оразившие итоги работы российско-монгольской научной конференции, прошедшей в Институте восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге при поддержке Фонда развития монголоведения в Монголии и посвященной 130-летию Б.Я.Владимирцова, выдающегося российского ученого-монголоведа, значение научных трудов которого до настоящего времени чрезвычайно велико. Его трудами пользуются историки, лингвисты, литературоведы, культурологи, политологи и ученые, проводящие исследования на уровне новых междисциплинарных наук. Данное мероприятие явилось второй международной конференцией, организованной Институтом истории МАН совместно с Институтом восточных рукописей РАН и стала результатом сотрудничества монгольских и российских ученых. В сборник включены статьи российских и монгольских исследователей по различным проблемам истории, культуры, литературы и языка монгольских народов. Ряд статей посвящены роли Б.Я.Владимирцова в исследовании различных аспектов монголоведения. Большая часть статей касается вопросов издания конкретных литературных памятников, использования терминов, классификации фольклорных произведений, художественных особенностей и образной системы поэтического творчества, анализа конкретных исторических событий и их научной интерпретации, новых открытий в рукописных фондах и архивах России и Монголии. Сборник рассчитан на монголоведов и всех, интересующихся историей и культурой России и Центральной Азии.

© ИВР РАН, 2015.

© ИИ МАН, 2015.

© Коллектив авторов, 2015.

ISBN 978-99973-0-619-7

DDC  
900.015  
B-573

*The publication is approved by the Academic Council of Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences and by the Academic Council of Institute of History, Mongolian Academy of Sciences.*

**Editor-in-Chief:** Ph. D (history) *Chuluun S.*  
**Compiled and edited by:** Sc. D (philology) *I.V.Kulganek*  
**Texts in English edited by:** Ph. D (philology) *D.A. Nosov*  
**Reviewers:** Sc. D (history) *T.D. Skrynnikova*  
Sc. D (philology) *L.G. Skorodumova*  
Ph. D (history) *V.Yu. Zhukov*

**B.Ya. Vladimirtsov – the Outstanding Researcher of Mongolia in the 20th Century.** Proceedings of International Conference October 6–8, 2014. St.Petersburg, Russia. Ulaanbaatar–St.-Petersburg. 2015. 218 P.

The proceedings reflect the results of international research conference, taken place at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS (St. Petersburg, Russia). It was supported by the National Foundation for Mongolian Studies (Government of Mongolia). The conference was dedicated to the 130th anniversary of B.Ya. Vladimircov, an outstanding mongolist, who influenced greatly all fields of Mongolian studies. His works are of great importance for historians, linguists, researchers of literature, culture and politics, as well as for interdisciplinary studies. This gathering was the second international conference, held by the Institute of History, Mongolian Academy of Sciences in cooperation with the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. These proceedings are collection of articles, written by Russian and Mongolian scholars on different problems of history, culture, literature and languages of Mongolian peoples. Some of the articles are dedicated to the role of B.Ya. Vladimircov in different fields of Mongolian studies. Most of the articles answers questions on publishing exact literary monuments, terminology, classification of folklore texts, analysis of poetics, research and interpretation of different historical events, new discoveries in archives and manuscripts' collections in Russia and Mongolia. This collection of articles is designed for scholars in Mongolian studies and for everyone, who is interested in history and culture of Russia and Central Asia.

© IOM RAS. 2015.  
© IAH MAS. 2015.  
© Composit authors. 2015.

ISBN 978-99973-0-619-7

## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ( <i>И.В. Кульганек</i> ) .....	10
---	----

### Приветствия

<i>Попова И.Ф.</i> директор Института восточных рукописей РАН .....	17
<i>Заябаатар Д.</i> Секретарь Фонда развития монголоведения в Монголии. Улан-Батор. Монголия .....	18

### Статьи

<i>Бичеев Б.А.</i> Ойратская версия «Истории Белой Тары» («Повесть о Нарану Герел») .....	22
<i>Бурькин А.А.</i> Б.Я. Владимирцов – основоположник современной научной алтаистики .....	30
<i>Валеев Р.М.</i> Истоки российского университетского монголоведения и буддологии в Казани (первая половина XIX в.) ....	42
<i>Гэрэлбадрах Ж.</i> Было ли «унгу боол»? .....	50
<i>Дашням Л.</i> К вопросу о классификации мудрых слов в монгольском языке .....	61
<i>Дробышев Ю.И.</i> Погодная магия в средневековой Монголии .....	68
<i>Елихина Ю.И.</i> Раскопки С.А. Теплоухова кургана № 12 в Ноин-Уле .....	78
<i>Захарова И.М.</i> Посольство Ю.А. Головкина в Цинскую империю и монгольские акварели А.Е. Мартынова .....	91
<i>Кантор Е.А.</i> Монгольский перевод «Мани-Кабума», выполненный Гуши Цорджи (1608) .....	102
<i>Кукеев Д.Г.</i> Некоторые сведения о материальном наследии джунгаров .....	110
<i>Кульганек И.В.</i> Представление о счастье в монгольских пословицах и поговорках .....	121
<i>Мунхицэцэг Э.</i> Некоторые термины в книге Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» и в словаре «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности, изданное по высочайшему повелению» (1717) .....	129
<i>Носов Д.А.</i> Б.Я. Владимирцов как основоположник современной монголоведной фольклористики .....	137

<b>Носов Д.А., Почекаев Р.Ю.</b> Рукопись Ц.Ж. Жамцарано из фонда ИВР РАН «Отрывок о том, как вести тяжбу» – источник по истории монгольского права .....	144
<b>Петрова М.П.</b> Модернистские тенденции в монгольской поэзии конца XX– начала XXI в.. .....	153
<b>Түвшинтөгс Б.</b> Тод бичгээрх бар хэвлэлийн уламжлал .....	164
<b>Туранская А.А.</b> Национально-культурные особенности монгольского перевода «Гурбума» Миларэпы .....	178
<b>Чулуун С.</b> Изучение обнаруженного в Монголии неизвестного списка «Шара Туджи» .....	185
<b>Юрченко А.Г.</b> Сакральная арифметика и численность армий Чингизидов .....	200
Сведения об авторах .....	215

## CONTENTS

Foreword ( <i>by I.V. Kulganek</i> ) .....	10
--	----

### Greetings

<i>Popova I.F.</i> Director of Institute of Oriental Manuscripts RAS .....	17
<i>Zayabaatar D.</i> Secretary of the National Foundation for Mongolian Studies (Ulaanbaatar, Mongolia) .....	18

### Articles

<i>Bitcheev B.A.</i> Oirat version of «Tale of Naranu Gerel» («Tale of White Tara») .....	22
<i>Burykin A.A.</i> B. Vladimirtsov – founder of modern Altaic studies .....	30
<i>Valeev R.M.</i> Origins of the Mongolian and Buddhist Studies in Kazan University (the first half of 19 century) .....	42
<i>Gerelbadrakh Zh.</i> Was there an «ongu bool»? .....	50
<i>Dashniam L.</i> On the Classification of the wise Words in Mongolian .....	61
<i>Drobyshev Ju.</i> Weather magic in medieval Mongolia .....	68
<i>Jelikhina Ju.</i> S.A. Teploukhov's excavations of the mound number 12(24) in Noin-Ula, Mongolia in 1924 .....	78
<i>Zakharova I.M.</i> The embassy of the count Y.A. Golovkin to the Qing Empire and Mongolian watercolors by the artist A.E. Martynov .....	91
<i>Kantor E.A.</i> Mongolian translation of the «Mani Kabum» by Guusi Čorji (1608) .....	102
<i>Kukeev D.G.</i> Some information on material heritage of the nomadic population of Jungar Khanate .....	110
<i>Kulganek I.V.</i> The idea of happiness in the Mongolian Proverbs and sayings .....	121
<i>Munkhtsetseg E.</i> Some terms in B.Ya Vladimirtsov's book «Social structure of Mongols» and in the dictionary «Qayan-u bičigsen manju mongyul ugen-u toli bičig» (1717) .....	129
<i>Nosov D.A.</i> B.Ya. Vladimirtsov as father founder of modern studies in Mongolian folklore .....	137
<i>Nosov D.A., Pochekaev R.Yu.</i> Manuscript «The fragment on court order...» from Ts. Zamtsarano's collection (IOM RAS, St. Petersburg) as a source on the Mongolian law history .....	144

<b><i>Petrova M.P.</i></b> Modernist Trends in Mnglian Poetry of the late 20th – early 21st. centuries .....	153
<b><i>Turanskaya A.A.</i></b> National and cultural peculiarities of Mongolian translation of Milarepa's «Gurbum» .....	164
<b><i>Tuvshintugs B.</i></b> The tradition of printing block in clear script .....	178
<b><i>Chuluun S.</i></b> The study of the newly discovered «Shar tuuj» found in Mongolia .....	185
<b><i>Yurchenko A.G.</i></b> «Sacred arithmetic» and size of the armies of Chingizids .....	200
Notes on authors .....	215

Д.А. Носов  
ИВР РАН  
Санкт-Петербург, Россия

## **Б.Я. ВЛАДИМИРЦОВ КАК ОСНОВОПОЛОЖНИК СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛОВЕДНОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ**

***Аннотация.** В статье дана характеристика вклада выдающегося отечественного монголоведа в дело исследования устного народного творчества монголов, бурят и калмыков. Автор утверждает, что Б.Я. Владимирцов является основоположником всех трех направлений современной монголо-ведной фольклористики: сбора, издания и всестороннего изучения народной поэзии монголов.*

***Ключевые слова.** Владимирцов, история монголоведения, фольклористика.*

D.A. Nosov

## **B. VLADIMIRTSOV AS FATHER FOUNDER OF MODERN STUDIES IN MONGOLIAN FOLKLORE**

***Abstract.** Main aim of the article is to highlight B. Vladimirtsov's contribution to studies in mongolian folklore. The author proclaims, that Vladimirtsov was a pioneer in three braches of modern activities in mongolian folklore. That is collecting, editing and studing of mongol oral poetry.*

***Keywords.** Vladimirtsov, history of mongolian studies, folklore stuides.*

Борис Яковлевич Владимирцов (1884 - 1931) бесспорно считается одним из основоположников российского монголоведения. Им были написаны классические труды по филологии и истории этого степного народа [7, с. 17]. Так, по утверждению Г.И. Михайлова, ряд небольших литературоведческих работ Б.Я. Владимирцова положил начало монголоведному литературоведению [7, с. 8].

Ниже мы покажем, что в рамках исследования языка и литературы монголов ученый в начале XX в. заложил базу для всех направлений монголоведной фольклористики, которые существуют в настоящее время.

На сегодняшний день можно выделить три основных направления работы с произведениями устного народного творчества монголов, бурят и калмыков.

Первое – собирательская деятельность. Десятки коллективов и отдельных фольклористов работают в Монголии, Китайской Народной Республике и Российской Федерации, скрупулезно собирая тексты и сведения о бытовании этого вида творчества как среди сельского, так и среди современного городского населения. Принципы такой работы были заложены в начале прошлого столетия Б.Я. Владимирцовым, его коллегами и учениками.

Второе – издание произведений фольклора. К началу XXI в. существует несколько сотен сборников, дающих представление о различных жанрах. В ходе данной работы сформировался критический подход к публикуемым текстам и описанию их контекста. Значительную роль в этом процессе сыграли труды Б.Я. Владимирцова.

Третье – изучение фольклора. Многие исследования в области поэтики и сравнительной фольклористики, опубликованные за последние 80 лет, также возникли под прямым влиянием научного творчества выдающегося ученого.

В рамках первого типа деятельности Б.Я. Владимирцовым было совершено пять крупных путешествий, в ходе которых ему удалось собрать фольклорный материал.

В 1907 г. он совершил поездку к калмыкам Астраханской и Ставропольской губерний, благодаря которой ознакомился с бытом и фольклором ойратов, проживающих на территории России.

Интерес к западным монголам привел его в 1908 г. в Кобдоский округ Монголии. В ходе второй поездки он записал 2 былины, 10 сказок, 32 песни и 137 загадок и пословицы от дербетов [3, с. 14]. На основе собранных в 1908 г. материалов им было подготовлено несколько публикаций и исследований.

Похожее путешествие ученый совершил летом 1911, все в тот же Кобдоский округ, но в этот раз его интересовал другой ойратский народ – баиты. От них было записано 3 большие эпические былины в стихах, сказание о Джангаре, 15 сказок, 30 песен и около 100 пословиц и загадок [5, с. 103].

В ходе поездок ученого к дербетам и баитам сформировался особый подход к сбору материала, который мы условно можем назвать «этноцентричным» или «лингвоцентричным». Суть его заключалась в том, чтобы собрать как можно более репрезентативный материал для изучения языка или диалекта одной этнической группы. Исходя из этого, для записи произведений фольклора использовалась особая транскрипция на базе кириллического алфавита. Этому подходу следовали ученики Б.Я. Владимирцова – Н.Н. Поппе (1897–1991), Г.Д. Санжеев (1902–1982), Л.А. Амстердамская, благодаря чему сформировался корпус фонетически точных текстов, удобных для анализа языковой формы произведений.

Самым продолжительным стало четвертое путешествие – два с половиной года (с 1912 по 1915) Б.Я. Владимирцов провел в Центральной Монголии с целью изучения языковой ситуации и истории региона.

Спустя десять лет после столь продолжительной поездки исследователь возглавил организованную Монгольской комиссией АН СССР этнолингвистическую экспедицию в район Улан-Батора, междуречья реки Толы и верхнего течения Керулена, а также на хребты Малый и Большой Хентей. Целью её стало изучение говора столицы Монголии и окрестностей, сбор лингвистического и фольклорного материала, а также знакомство с коллекцией монгольских рукописей и книг Ученого Комитета МНР [11, с. 224]. В 1926 г. эти исследования были продолжены в долине реки Орхон [11, с. 229].

Поездка 1912–1915 гг., а также экспедиция 1925–1926 гг. отразили иной подход к сбору фольклорного материала. Его можно назвать «регионоцентричным», поскольку смысл заключается в том, чтобы наиболее полно представить устное народное творчество, бытующее на данной территории, не ограничиваясь конкретными этническими группами.

Не менее важной для развития монголоведения была работа Б.Я. Владимирцова над изданием текстов произведений устного народного творчества.

Первой вехой в этой деятельности стал опубликованный в 1909 г. в журнале «Живая старина» перевод легенды о происхождении дербетских князей [4, с. 1–3]. В этом небольшом труде в полной мере проявился талант Б.Я. Владимирцова как издателя и исследователя фольклора. Несмотря на то, что текст дан в русском переводе, он снабжен указаниями на параллели в фольклоре и литературе калмыков.

Подобный способ публикации текстов монгольского фольклора связан с именем русского путешественника Г.Н. Потанина (1835–1920), который издал русский перевод нескольких сотен текстов произведений фольклора монгольских и тюркских народов, снабдив его ссылками на аналогичные тексты у других народов [8; 9; 10]. В конце XIX – начале XX вв. в России появилось множество таких изданий произведений народной словесности монголов и бурят [1; 2].

Русский перевод подходил для сравнительного анализа сюжетов, но его было совершенно недостаточно для изучения языковой формы произведения. Поэтому уже в следующей своей работе по изданию фольклора монгольских народов – редактуре двух томов сборника бурятских былин, подготовленного Ц.Ж. Жамцарано (1880–1942) для серии «Образцы народной словесности монгольских племен» в 1913 и

1914 г. Б.Я. Владимирцов поддержал идею использования специальной фонетической транскрипции на базе кириллического алфавита для передачи оригинальных текстов.

Третьей вехой в деятельности Б.Я. Владимирцова по изданию монгольского фольклора стал его труд – «Монголо-ойратский героический эпос», опубликованный в 1923 г. Помимо обширного предисловия, содержащего множество идей ученого о бытовании крупных жанров устного народного творчества, в него включены русские переводы шести былин. Оригиналы двух из них на старомонгольском языке находятся в рукописной коллекции Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге [7, с. 369, с. 408]. Работа вызвала огромный интерес у монголоведов. Часть ее была переведена на монгольский язык в 1937 г., второе издание вышло в США в 1972 г. [7, с. 556] и третье – в России в 2003 г.

Наиболее значимым для развития монголоведной фольклористики, по нашему мнению, является четвертый труд Б.Я. Владимирцова в этой области – «Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия)», вышедший в 1926 г. в Ленинграде. В нем представлены тексты различных жанров, записанные в 1908 – 1915 гг. от представителей ойратских народностей Северо-Запада Монголии [6, с. IV]. Это 118 песен на баитском, дербетском, мингатском, олетском, захчинском, торгутском и урянхайском наречиях, 17 баитских благопожеланий и 27 текстов эпических жанров, от сказок до былин, записанных от мингатов, урянхайцев, баитов и дербетов [6, с. 201–202].

В отличие от двух предыдущих публикаций, подготовленных лично Б.Я. Владимирцовым, в «Образцах» все тексты даны в кириллической транскрипции. В сборник вошел оригинальный ойратский текст легенды о происхождении дербетских князей, перевод которой вышел в 1909 г. [6, с. IX]. Так, на примере эдиториальной деятельности ученого можно проследить переход от издания переводов текстов, пригодных для сравнительного анализа, к публикации произведений на языке оригинала с целью представления его языковой формы.

Работа Б.Я. Владимирцова в области исследования фольклора монгольских народов имеет множество граней. Ему удалось поставить практически все вопросы, которые занимают современную науку об устном народном творчестве. Его интересовала не только поэтика и языковая форма произведений. Значительное внимание он уделял проблемам, связанным с исполнением произведений фольклора. Не менее важным для него было исследование взаимодействия фольклора и литературы, а также монгольской и соседних культур в сфере народной поэзии.

В первую очередь ученый обратил внимание на особенности жанровой и поэтической систем фольклора монгольских народов.

Он стал первым, кто определил важное место благопожеланий (*ёрөөл*) в системе жанров монгольского фольклора. По мнению Б.Я. Владимирцова, они заменяли монгольским народам обрядовые песни, а по языку мало чем отличались от песен лирических [6, с. VII].

Исследователь первым на материале фольклора монгольских народов обратился к проблеме выделения сказок и несказочной прозы, актуальной для современной отечественной фольклористики. Отмечая трудность определения различий «между сказкой и рассказом», он считал, что монгольская и ойратская сказки обладают характерными чертами [6, с. VIII–IX]. Это позволило ему выделить отдельный жанр рассказов-легенд космогонического характера [6, с. IX], известный в современной монголоведной фольклористике как *домо-улгэр*. К их числу он отнес и опубликованную в 1909 г. легенду о происхождении дербетских князей.

В деле изучения поэтики фольклора монголов ученый одним из первых обратился к языковой форме произведений, отметив наличие устойчивых и неустойчивых текстов песен. Как он указывает, некоторые произведения исполняются различными информантами без изменений, некоторые же, напротив, путано и сбивчиво [6, с. VI]. Так им впервые в монголоведной фольклористике была затронута проблема устойчивости фольклорного текста.

Углубленно занимаясь вопросами лингвистики, Б.Я. Владимирцов не мог обойти своим вниманием особенности языка фольклорных произведений. Ему удалось отметить смешение литературного и разговорного народного языка в ойратских песнях [6, с. VI].

Произведения устного народного творчества он считал отражением «языковой нормы данного района». При этом ученый утверждал, что фольклорные тексты отличаются по языку от простой речи. Эти отличия зависят от принадлежности информантов к различным социальным группам [6, с. V]. Тем самым он выявил важность классификации информантов и свойственных им манер исполнения.

В области изучения манеры исполнения Б.Я. Владимирцов стал первым, кто отметил самоидентификацию исполнителей ойратского эпоса как профессионалов и непрофессионалов [6, с. VII–VIII].

Ещё одно новшество, введенное ученым, заключалось в том, что он старался записывать фольклор от представителей всех возрастов, общественных классов и полов. Им было отмечено наличие исполнителей эпоса (*туульчи*) в Западной Монголии как среди знати, так и среди простолюдинов, а также представителей буддийского духовенства [6, с. VII–VIII].

Одним из первых Б.Я. Владимирцов наметил основные направления изучения взаимодействия фольклора с другими явлениями культуры, в первую очередь, с литературой. Его работы по монгольской литературе содержат множество идей о взаимовлиянии устной и письменной поэзии.

Уже в первой своей работе, посвященной устной литературе – публикации «Легенды о происхождении дербетских князей», он обозначил проблему историчности монгольского фольклора [4, с. 1]. Самой попыткой найти корни этого сюжета в ойратской исторической литературе Б.Я. Владимирцов ставит вопрос о характере взаимодействия народного и канонического, литературного представления об истории.

В этой же работе он затрагивает не менее важную проблему влияния буддийской дидактической литературы на фольклор монгольских народов, обнаруживая в легенде поэтические элементы, характерные для сборника обрамленных повестей индийского происхождения «Волшебный мертвец» [4, с. 2]. Этот сборник был широко известен среди монголов, бурят и калмыков, исповедовавших буддизм, а отдельные рассказы или цепи рассказов из него фиксировались в устном бытовании.

Буддийское влияние было обнаружено Б.Я. Владимирцовым при анализе упомянутых выше благопожеланий (*ёроол*) [6, с. VI–VII], но здесь оно носило не поэтический, а функциональный характер. Особенности буддийского ритуала определяли условия исполнения подобных произведений.

Проблематика социальной роли фольклора была затронута им в свете ойратского героического эпоса «Джангар». Ученый отметил ту особую роль, которую играл данный эпос для калмыков и ойратов, проживающих на территории современной КНР [6, с. VIII].

Особое внимание в своих фольклористических работах Б.Я. Владимирцов уделил межкультурной коммуникации. Так, он первым предложил разделить сказки ойратов на национальные монгольские, связанные с монгольским героическим эпосом, и пересказы буддийских джатак и авадан, пришедших вместе с буддизмом из Индии [6, с. IX].

В работе «Монгольский сборник рассказов из Pancatantra» им было высказано предположение о способе передачи сюжета из индийской литературы через тибетскую в монгольский фольклор. Так, по его мнению, известное в монгольской среде сказание о царе Canda-Pradyota, попало в устное бытование от лам, читавших по-тибетски. Этот сюжет есть в тибетском Ганджуре, который имелся в любом монгольском монастыре [7, с. 81].

Помимо сюжетов, заимствованных из буддийской литературы, ученым были отмечены в монгольском фольклоре и пересказы китайских романов [6, с. IX], а также прямой контакт с устным народным творчеством тибетцев.

Он указывал на цикл сказок о «Бэлэн сэнгэ» как пример передачи устного тибетского фольклора [6, с.VIII].

В области собирательской деятельности Б.Я. Владимирцовым были заложены два принципа: «лингвоцентричный» и «региоцентричный». Оба эти подхода применяются в настоящее время. Первый дает исследователям возможность изучать конкретную этническую фольклорную традицию, второй – проводить их сравнительный анализ и выявлять механизм заимствований произведений.

Эдиториальная деятельность ученого стремилась к «лингвоцентричности». В ней хорошо заметен переход от издания переводов произведений к публикации фонетически точных текстов. Начиная с 1930-х гг. это станет основной тенденцией при подготовке монголоведами-фольклористами сборников устного народного творчества.

Деятельность Б.Я. Владимирцова по изучению устного народного творчества монгольских народов нельзя назвать ни «лингвоцентричной», ни «региоцентричной». Она носит разнообразный характер. В ней не только в полной мере проявился его талант фольклориста-теоретика, но и отразилась широта кругозора ученого. Имея небольшое количество работ предшественников, ему удалось положить основу фактически всем современным направлениям исследования народной поэзии монголов, бурят и калмыков.

Мы утверждаем, что Б.Я. Владимирцов является основоположником всех трех направлений современно монголоведной фольклористики: собирательского, издательского и исследовательского.

### Библиография

1. Беннингсен А.П. Легенды и сказки Центральной Азии. СПб., 1912.
2. Бурятские сказки и поверья, собранные М.Н. Хангаловым и о. Н. Затопляевым. Записки ВСОИРГО, т. I, вып. 1, Иркутск, 1889.
3. Отчет Б. Владимирцова о командировке к дербетам Кобдинского округа летом 1908 г. ИРКСА. 1909, № 9. С. 47–60.
4. Владимирцов Б.Я. Легенда о происхождении дербетских князей. СПб., 1909.
5. Владимирцов Б.Я. Отчет о командировке к баитам Кобдоского округа. СПб., 1912.
6. Владимирцов Б.Я. Образцы монгольской народной словесности (С.–З. Монголия). Л., 1926.
7. Владимирцов Б.Я. Работы по литературе монгольских народов. М., 2003.

8. *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Выпуск 2. СПб., 1881.

9. *Потанин Г.Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. Выпуск 4 (Материалы этнографические). СПб., 1883.

10. *Потанин Г.Н.* Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия (Путешествие 1884 – 1886). СПб, 1893. Том 2.

11. *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925 – 1953. СПб., 2006.

Д.А. Носов, Р.Ю. Почекаев  
ИВР РАН  
Высшая Школа экономики  
Санкт-Петербург, Россия

## **РУКОПИСЬ Ц.Ж. ЖАМЦАРАНО ИЗ ФОНДА ИВР РАН «ОТРЫВОК О ТОМ, КАК ВЕСТИ ТЯЖБУ» – ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОГО ПРАВА**

***Аннотация.** В статье вводится в научный оборот рукопись из архива Ц.Ж. Жамцарано под условным названием «Отрывок о том, как вести тяжбу». Дается археографическая характеристика документа, приводится его транскрипция и перевод, а также историко-правовая оценка текста и его значения в изучении традиционного монгольского права, в частности – правоотношений в судебной сфере. Авторы приходят к выводу, что порядок судебного разбирательства в Монголии на рубеже XIX-XX вв., нашедший отражение в исследуемом документе, продолжает традиции более ранних судов тюркских и монгольских народов, причем при выборе между третьей-скими судьями и официальными государственными судебными органами монголы отдавали предпочтение первым – что вообще характерно для представителей традиционных восточных правовых систем.*

***Ключевые слова.** Источниковедение Монголии, традиционное монгольское право, правовое сознание; судебное разбирательство, судебный процесс.*

D.A. Nosov, R.Y. Pochekaev

## **MANUSCRIPT "THE FRAGMENT ON BEING AT LAW..." FROM TS. ZAMTSARANO'S COLLECTION (IOM RAS, ST. PETERSBURG) AS A SOURCE ON THE MONGOLIAN LAW HISTORY**

***Abstract.** The article introduce to scholars the manuscript, known as «The fragment on court order...» from Tseveen Jamtsarano's (1881-1942) collection. It is essential for studies in traditional Mongolian law, especially in court matters. The document is described archeographically, transcribed and translated. According to the analysis of the document authors come to the conclusion, that Mongolian trial order at the end XIXth – beginning XXth century, described in this text, goes back to traditional trial practices of Turkic and Mongolian peoples. While choosing between arbitrary trials and official state courts Mongols used to prefer first ones. It is typical for representatives of traditional law systems of the East.*

*Keywords. Mongolian source study, traditional Mongolian law; legal awareness; court order, court proceedings.*

Среди многочисленных рукописей юридических документов на монгольском языке, хранящихся в ИВР РАН (Санкт-Петербург), есть значительное количество текстов, относящихся к области практического применения права. Примером подобного источника служит произведение, известное как «Отрывок о том, как вести тяжбу...» (Qaǰaγ-a sui-yi nayirladuγulǰu temečekü ĵayalduqu ni). Эта рукопись занимает 1 лист китайской бумаги, размером 24 × 14 см. Написанный тушью текст содержит всего 16 строк и является отрывком более крупного произведения. Документ хранится под шифром Mong. A 24 и относится к III коллекции выдающегося монголоведа первой половины XX в. Ц.Ж. Жамцарано (1881–1942), собранной им в Южной Монголии в 1910 г. [10, с. 13]. Более точных сведений о происхождении рукописи найти не удалось. Ниже приведены транскрипция текста рукописи и его перевод на русский язык:

**Транскрипция рукописи Mong. A 24**  
**«Отрывок о том, как вести тяжбу...»**

- <1> Qaǰaγ-a sui-yi nayirladuγulǰu temečekü ĵayalduqu-yii
- <2> bayilyaqu inu erten-u čaγ-tur . tabun törül-yi
- <3> sui bolǰaǰuqui . nayidan elseg qarasqu asaral-un
- <4> suryal eǰen iǰiyur araqsan inu udaqsan
- <5> bolai qaqčaqu qaǰaγ-a sui-yin dotur-a türüg
- <6> sen . ureǰiyegsen anu olan-iyar olan boluyad
- <7> quriyan šiyačin ĵeregčü keldejü. Üǰegsen
- <8> öčüken taqaburi-dur qosingyan aγduqsan
- <9> öčüken taqaburi-dur nigen čaγ-tur
- <10> čekerlel-ügei . küčüregsen temčeldüküi-yi
- <11> edübesü darui tüšimel-ün ĵamun-dur
- <12> sügüdkü ĵaqalduγu – ba . čayaǰan-i baraqsan
- <13> arad-dur šigülgekü qalǰayaqui kürümüi
- <14> egün-dür tayildaγsan kümün bey-e-tegen
- <15> eresǰegülbesü ejekü metü kemegüǰü
- <16> bayituyai . tayiluqsan kümün ni

**Перевод рукописи Mong. A 24**  
**«Отрывок о том, как вести тяжбу...»**

*Что касается организации тяжбы, то в стародавние времена организовывались пять видов [тяжб]. Когда, позавидовав, ... заместили хозяина, то тот, кто долго отсутствовал, [считается] выигравшим в тяжбе. В случае растраты собирается множество [народу] и [их] называют собравшимися судьями. При [наличии] малого [количества] доказательств [они] шутя, торопятся, при [наличии] малого [количества] доказательств в первый раз [оставляют] без наказания. Если же затеют драку, то немедленно судят в министерстве тушимелов, К нарушившим закон аратам соизволит обратиться суд. Когда разбиравшиеся в этом [деле] люди допускают к себе, то считается, что они поступают как хозяева. Разбравшие люди ...*

Данный документ представляет значительный интерес не только с точки зрения источниковедения и исторической филологии, но и как источник по истории традиционного монгольского права, а именно процессуального, т.е. касающегося судебных правоотношений.

Сразу стоит отметить, что судебный процесс в традиционном монгольском праве до сих пор привлекал очень мало внимания исследователей – вероятно, прежде всего, из-за отсутствия источников, позволяющих воссоздать более-менее целостное представление об этой отрасли права. Только несколько исследователей, насколько нам известно, занимались проблемами организации и деятельности судов в Монголии XIX – начала XX вв. (периода, которым предположительно датируется и исследуемый документ).

Ряд западных исследователей 1960-х – 2000-х гг. (Ч. Боуден, Г. Серруйс, Д. Хойшерт-Лааге) предпринимали попытки рассмотреть вопросы организации суда и судопроизводства на основе конкретных судебных дел, анализируя стадии судебного разбирательства, виды используемых доказательств, порядок подведомственности дел и т.п. [12, с. 71–90; 13, с. 571–592; 15, с. 205–222; 16, с. 471–511]. В последнее время большую работу по исследованию т.н. локальных правовых актов Монголии рассматриваемого периода проводит ученый из Внутренней Монголии Х. Эрдэнчулуу, вводя в оборот, в т.ч. и судебные документы [14, с. 40-53].

В какой-то степени касался процессуальной проблематики и Г.Ц. Пюрбеев, который в своем преимущественно филологическом исследовании памятника монгольского права XVIII в. «Халха Джирум» сгруппировал значительное количество понятий, касающихся судопроизводства и су-

дебной системы, различных категорий преступлений и преступников, повинностей, штрафов и наказаний [9, с. 28–40]. Так, он выделил понятия, обозначающие суд и судей, судебных исполнителей, других участников процесса – истца, ответчика, различные категории свидетелей, виды преступлений (убийство, причинение телесных повреждений, кража, клевета и пр.) и преступников (вор, конокрад, скупщик краденного и т.д.). Отдельно сгруппированы Г.Ц. Пюрбеевым названия штрафов и иных наказаний, определявшихся судом (штрафы скотом и ценными вещами, наказание кнутом, заковывание в колодки и сажание в яму, конфискация имущества и пр.). Также исследователем к судебной терминологии отнесены и конкретные выражения, касающиеся возбуждения и прекращения судебного дела, различных стадий процесса (дача показаний, допрос, вынесение решения и пр.). Данные, собранные Г.Ц. Пюрбеевым, могут оказать существенную помощь в изучении не только рассматриваемого документа, но и других памятников монгольского права, а также иных архивных документов, относящихся к сфере правоотношений.

Однако, как можно видеть, большинство исследователей, занимавшихся вопросами процесса в монгольском традиционном праве, сосредотачивались на юридических документах – нормативных и правоприменительных актах, т.е. правовых сводах, законах, решениях судов и других органов власти. Настоящий же документ представляет собой неюридический источник сведений о праве.

К сожалению, тот факт, что это всего лишь сохранившийся фрагмент более объемного текста, не позволяет точно классифицировать этот документ по типу. Однако, судя по стилю и содержанию, он не является ни частью правового свода, ни нормативным, ни правоприменительным актом. По-видимому, он представляет собой что-то вроде «юридической консультации» человека, сведущего в праве и судебном процессе. Следовательно, можно отнести этот текст (с некоторой долей условности, конечно) к категории «правовой доктрины», которая в качестве источника права широко применялась в древности и средневековье и продолжает использоваться до сих пор в странах, относящихся к традиционной правовой семье [2, с. 105–107; 7, с. 667–668]. Впрочем, делать однозначно такой вывод относительно данного текста не позволяет то, что, как уже отмечалось, от него сохранился лишь фрагмент.

Тем не менее, этот документ представляет большую ценность как источник, касающийся не только (и даже не столько) права, но и правосознания монголов – причем в такой специфической сфере, как процессуальные правоотношения. Так, судя по тексту, его автор прекрасно дифференцирует

различные виды тяжб, т.е. судебных дел, которые могут подаваться также в суды различных инстанций. Так, споры о собственности или растрате, согласно анализируемому тексту, предпочтительнее решать при посредстве «собравшихся судей», т.е. лиц, которые знают право и пользуются хорошей репутацией.

Этот вид суда имеет весьма древние корни в тюрко-монгольском мире: с древнейших времен он существовал как суд родоплеменных вождей и старейшин, выносивших решение на основе своих знаний и представлений о праве – «торе» [8; с. 536–537]. Возрождение таких судов у кочевников Евразии фиксируется в источниках XV в., после падения Монгольской империи и государств имперского типа, сменивших ее – империи Юань в Китае, государства ильханов в Иране, Золотой Орды, Чагатайского улуса в Центральной Азии. Так, например, венецианский дипломат Иосафат Барбаро, посетивший Золотую Орду в 1420-е гг., сообщает: «Суд происходит во всем лагере, в любом месте и безо всякой подготовки. Поступают таким образом. Когда кто-то затевает с другим ссору... то оба, – а если их было больше, то все, – поднимаются и идут на дорогу, куда им покажется лучше, и говорят первому встречному, если он человек с каким-нибудь положением: «Господин, рассуди нас, потому что мы поссорились». Он же, сразу остановившись, выслушивает, что ему говорят, а затем решает, как ему покажется, без всякого записывания, и о том, что он решил, никто уже не рассуждает. В таких случаях собирается толпа людей, и он, высказав свое решение, говорит: «Вы будете свидетелями!». Подобные суды постоянно происходят по всему лагерю...» [1, с. 145–146].

В дальнейшем этот суд получил широкое распространение среди кочевых народов Центральной Азии – казахов, каракалпаков и др. под названием суда биев, которые являлись (в отличие от родоплеменных вождей, судивших своих соплеменников в прежние времена) судьями, выбираемыми самими участниками судебного разбирательства. В случае, если первое же решение такого бия казалось тяжущимся и другим участникам процесса справедливым, к нему обращались и впоследствии, так что, некоторые из таких биев приобретали известность и авторитет, не меньший чем даже ханы и другие законные правители [4, с.40–49]. При этом, как правило, единолично народный судья разбирал дело между членами одного рода, тогда как в случае межродового конфликта обычно дело передавалось на совместное рассмотрение нескольких биев, происходящих из разных родов и племен [11, с. 511–512] – собственно, именно этот момент, вероятно, и нашел отражение в анализируемом тексте, где разбор дела более чем одним судьей (который мог быть и связан с тем или

иным участником процесса) представлено как гарантия справедливого решения.

В тексте анализируемого документа также подчеркивается еще одно преимущество этого вида суда: «при наличии малого количества доказательств в первый раз оставляют без наказания». Это тоже свидетельствует о полуофициальном характере разбирательства, осуществляющегося «собравшимися судьями»: ведь судьи, являющиеся представителями власти, в таком случае непременно наложили бы на участника, не представившего достаточных доказательств наказание – и как на проигравшего, и как на оговорившего своего соперника. Выбираемые же сторонами судьи, как правило, не прибегали к формальному исследованию доказательств, опираясь преимущественно на собственное усмотрение, свое представление о законе и справедливости и, соответственно, в большей степени оценивая личности тяжущихся, а не формальные доказательства. Поэтому наиболее широко распространенным видом доказательств были показания сторон и, в случае необходимости, свидетелей, а если их было недостаточно, то тяжущиеся приносили присягу, призывая богов в свидетели, что говорят правду, и их претензии обоснованы [17, с. 71–72]. В условиях отсутствия письменности (и вообще грамотности) среди населения Монголии в рассматриваемый период подобный подход к судебным доказательствам представляется вполне оправданным и логичным. И поэтому разбирательства осуществлялись достаточно быстро (судьи «торопятся», как отмечается в исследуемом документе) – как правило, в течение одного дня.

А вот суд тушимэлов, т.е. законных представителей власти, чиновников, имеющих, в т.ч. и судебные правомочия [3, с. 21, 31; 6, с. 43, 59], представляет собой, в глазах автора текста, куда более официальную и, как следствие, более строгую инстанцию. В нее следует обращаться уже не по поводу имущественных споров, т.е. с исками частноправового характера, а в случае совершения уголовных преступлений – драки (и, вероятно, причинения ее участниками друг другу телесных повреждений), прямого нарушения закона аратами и т.д., т.е. когда дело касается не только правоотношений частных лиц, но и нарушения правопорядка, защищаемого официальными правовыми предписаниями и органами государственной власти. Отметим, что автор текста отражает не только собственное представление о компетенции суда тушимэлов, но и формальные основы судоустройства Монголии рубежа XIX–XX вв., когда официальное судопроизводство производилось обычно в случае совершения тяжких преступлений [5; с. 233].

Таким образом, текст о том, как вести тяжбу, представляется весьма ценным источником, проливающим свет не только на право, но и на

правосознание монголов накануне революции, хорошо ориентировавших в различных видах тяжб и юрисдикции различных категорий судов. При этом предпочтение традиционно отдавалось менее формальному суду «собравшихся судей», тогда как до суда официальных представителей власти тяжущиеся старались не доводить и обращались к нему только в особых случаях. Любопытно, что подобное отношение к суду и сегодня встречается в странах и народах, относящихся к системе традиционного права: сходная позиция, связанная с предпочтением при разрешении бытовых и имущественных споров неформального третейского суда официальным судебным инстанциям отмечается исследованиями, например в Туве и даже в Китае.

Думается, привлечение подобных архивных документов в дальнейших междисциплинарных исследованиях позволит более подробно изучить не только правотворческую и правоприменительную деятельность монголов, но и их правосознание, также являющееся важной и неотъемлемой частью традиционной монгольской правовой культуры.

### Библиография

1. *Барбаро И.* Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России / Пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. М.: Наука, 1971.
2. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М., 2003.
3. *Халха Джирум:* Памятник монгольского феодального права XVIII в. / Пер. Ц.Ж. Жамцарано, ред., введ. и прим. С.Д. Дылыкова. М., 1965.
4. *Зиманов С.З.* Казахский суд биев – уникальная судебная система. Алматы: Атамұра.
5. *Майский И.М.* Монголия накануне революции / 2-е изд.. М., 1960.
6. Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI-XVII вв. / Пер., коммент., исслед. А.Д. Насилова СПб., 2002.
7. *Поляков А.В.* Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. СПб., 2004.
8. *Почекаев Р.Ю.* Эволюция торе в системе монгольского средневекового права // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004.
9. *Пюрбеев Г.Ц.* Памятник монгольского права XVIII в. «Халха Джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М.; Калуга, 2012.
10. *Сазыкин А.Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. I, М., 1988.
11. *Фукс С.Л.* Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. Астана, 2008.

12. *Bawden C.R.* A Case of Murder in Eighteenth-Century Mongolia // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 32. No. 1. 1969.

13. *Bawden C.R.* The Investigation of a Case of Attempted Murder in Eighteenth-Century Mongolia // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, University of London, Vol. 32. No. 3. 1969.

14. *Erdenchuluu Kh.* Local documents and a new approach to the study of Mongolian legal history // *Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора. Материалы Международной конференции 19-20 апреля, 2013. Санкт-Петербург. СПб.; Улан-Батор, 2014.*

15. *Serruys H.* Problems of Land in Uusin Banner, Ordos // *Zentralasiatische Studien*. Vol 11.

16. *Serruys H.* Two complaints from Wang banner, Ordos, regarding banner administration and Chinese colonization (1905) // *Monumenta Serica*. Vol. 34. 1979-1980.

17. *Serruys H.* Oaths in the Qalqa-jirum // *Oriens Extremus* Vol. 19. 1972. P. 131-141; Heushert-Laage D. Modes of legal proof in traditional Mongolian law (16th-19th centuries) // *Олон улсын монголч эрдэмтний X их хурал. The 10th International Congress of mongolists. Илтгэлүүдийн товчлол. Summaries of Congress Papers. Улаанбаатар, 2011.*